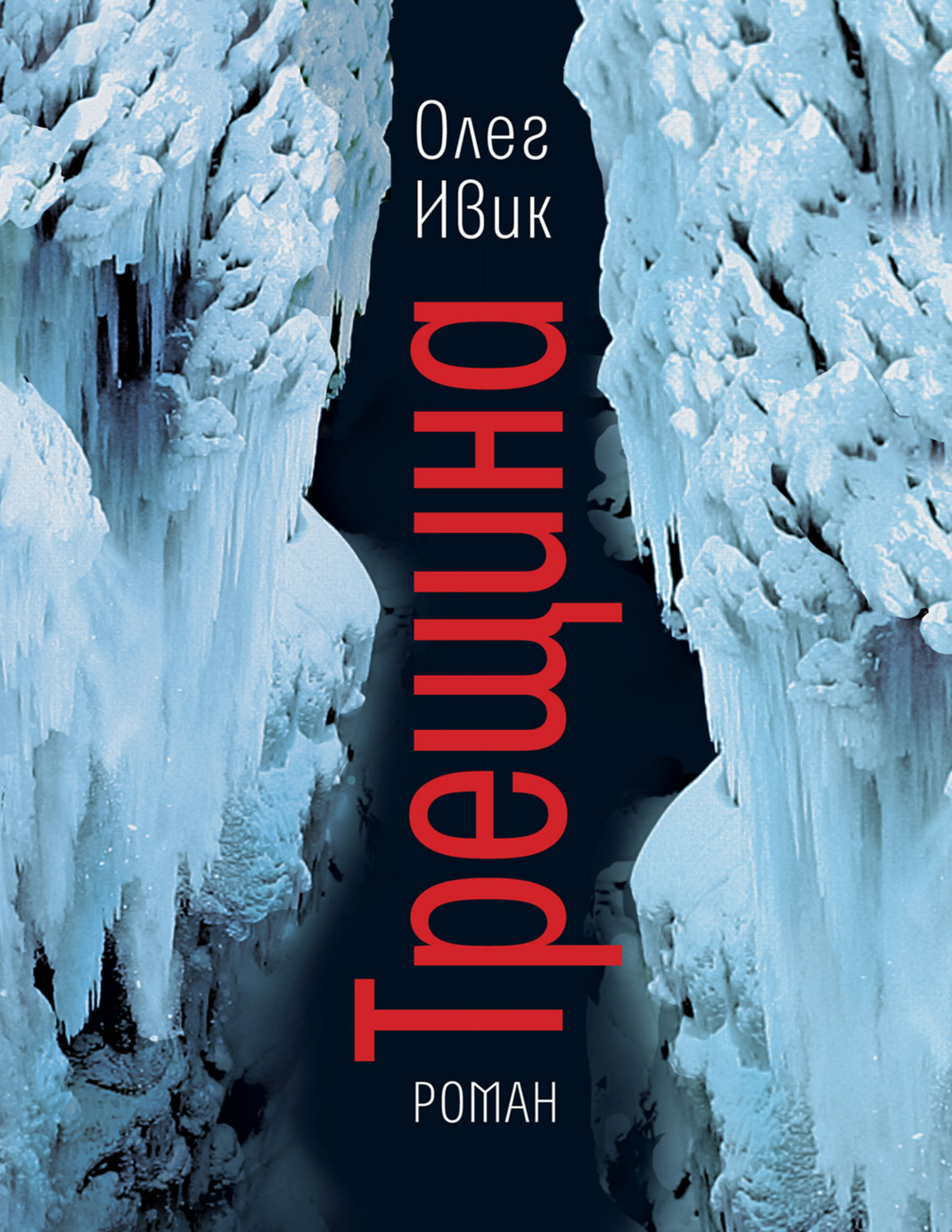

Олег
Ивук

ТРЕЩНО

РОМАН

Олег Ивик

Трещина

РОМАН

Информация от издательства

Художественное электронное издание

18+

Художественное оформление *Алексей Иванов*

Ивик, О.

Трещина : роман / Олег Ивик. — М. : Время, 2021. — (Самое время).

ISBN 978-5-9691-2153-9

Роман «Трещина» написан не для офисного планктона и не для тех, кто забыл, что такое восходы и закаты, — так считает Женька Арбалет, альпинист, в рюкзаке которого была найдена эта рукопись.

Дайвинг и рафтинг, альпинизм и автостопные путешествия... — Женька и его случайная спутница любят риск. Им есть о чем рассказать друг другу в дни их недолгого похода через горы. Но чаще они говорят о политике и о религии, читают друг другу стихи, свои и чужие. А еще в роман вставлены их рассказы, очерки, воспоминания... Текст состоит из множества кусочков, он пронизан трещинами, как и жизнь героев.

...Трещины проходят по ледникам, и сорвавшийся альпинист повисает на веревке над пропастью... Трещины проходят по семьям, и муж уходит на войну, которую жена считает несправедной... Но кто-то держит страховку, кто-то врачует чужие раны... И тем, кто выжил, предстоит, несмотря на все разногласия, вместе жить на одной Земле.

© Олег Ивик, 2021

© «Время», 2021

Новый мир вырос вокруг, сияющий
в золоте рассветов и ярости закатов...

Мариам Петросян. Дом, в котором...

...Чтобы жить километрами,
а не квадратными метрами...

Юрий Кукин. Говоришь, чтоб остался я...

...И, значит, остались только
иллюзия и дорога.

Иосиф Бродский. Пилигримы

К читателю

Здравствуйте, читатель! Мой хорошо знакомый мне читатель. Не удивляйтесь — я вас прекрасно знаю. Я прямо вижу, как вы сидите, привалившись к спинке стула или дивана своим усталым позвоночником. Он у вас хилый, ваш позвоночник, и вы всегда норовите примостить его к чему-нибудь прочному. А под задом у вас — мягкое сиденье, набитое поролоном или чем-то в этом роде. И скорее всего, вы что-то жуете. А что еще делать, когда читаешь?

У вас дряблое тело и пломбы в зубах. И одну пломбу давно пора заменить. Если вы женщина, ваши глаза измазаны черной краской (если не измазаны, значит, вы вообще на себя забили). А если вы мужчина, ваши глаза не видели ничего лучшего, чем эти выпачканные краской женские лица. У вас нездоровый серый язык, и лучшее, что этот язык пробовал, это плохой коньяк. Ну, может, он еще пробовал кое-что у тех самых раскрашенных теток и телок — то, куда они еще не научились наносить краску, но откуда уже научились удалять волосы. Но не факт, что это самое, с удаленными волосами, лучше, чем плохой коньяк, — впрочем, не знаю.

Восход вы в последний раз видели несколько лет назад. Вы тогда не выспались и вас мутило от прошедшей ночи, от выпитого и от того, что она (он) согласилась (согласился). Впрочем, если вас продинамили, вас мутило примерно так же. Вы называли это выездом на природу и под утро, проблевавшись перед тем, как лечь спать, смотрели на озеро (реку, море), берега которого вы изгадили, и на встающее над всей этой гадостью солнце. Впрочем, солнце не входило в оплаченный комплект

удовольствий — это был бонус, который вы, скорее всего, не заметили.

Закаты вы видите чаще — по крайней мере, имеете такую возможность. Если окна офиса, в котором вы работаете планктоном, обращены на запад, зимними вечерами вы можете наблюдать тусклое красноватое свечение в небе, замутненном выделениями большого города. Оно примерно такой же яркости, как ваши оргазмы, это свечение, и вы не обращаете на него особого внимания (в отличие от самих оргазмов, о которых иногда приятно поговорить)... Летом вы можете наблюдать закаты позднее, из окон собственной квартиры — опять-таки, если они выходят на запад. Впрочем, куда бы ни были обращены окна, закаты не включены в круг ваших интересов, и вы их, скорее всего, не видите. А зря. Как раз летние закаты порой бывают настолько ярче ваших оргазмов, что на них стоило бы посмотреть, если бы их не загораживали соседние многоэтажки.

Что я еще про вас знаю? Что вы, безусловно, достойны лучшего, но вот не получилось... Есть, конечно, и виноватые в этом (они вам прекрасно известны, мне тоже). Но в Турцию, Египет, а может, и в Таиланд вы все-таки успели слетать, пока нефть была в цене. Поэтому в какой-то мере жизнь удалась. Вы надеетесь, что некоторые вам завидуют — для них вы держите в фейсбуке страничку с фотографиями на фоне пляжных лежаков (иногда вместо лежака фигурирует унылый ездовой слон или менее унылая, но столь же бессмысленно живущая телка). Но сейчас ездить стало дороже, а денег вам вечно не хватает. Какие-то сволочи напрочь разворовали страну, так что вам и украсть нечего! Или почти нечего! Обидно...

Но кое-что вы все-таки урвали. У вас хороший телевизор и навороченный мобильник (или даже айфон). Может быть, есть и машина — во всяком случае,

она запланирована. И одеты вы очень прилично... Ну, короче, вы интеллигентный человек и читать, конечно, любите! Но особо не читаете, потому что некогда и как-то душа не лежит. Но эта книга подвернулась, причем достаточно случайно. Раз уж подвернулась — можно и почитать... Так вот, я сразу предупреждаю: она вам не понравится. Люди любят читать про то, что им близко. Этому, говорят, на журфаке учат: если ты видел пожар, а потом встретил про него статью, ты ее обязательно прочтешь. Хотя, казалось бы, зачем читать, если ты сам там был, а журналисты все переврали, это ж ясно... Но человек любит читать о том, что он и так знает. А еще лучше — о себе самом... Но эта книга не о вас. Поэтому лучше закройте ее и займитесь чем-нибудь полезным. Уж лучше на закат идите посмотрите — он тоже не о вас, но он хоть является объективной ценностью. А эта книга — еще неизвестно. Может, она вообще фигня фигней, и даже скорее всего.

Женька Арбалет

Предисловие Олега Ивика

Это вступление, включая эпиграфы, предваряло текст, полученный публикатором настоящей рукописи, Олегом Ивиком (точнее, публикаторами, потому что под псевдонимом Олег Ивик работают два человека — Ольга Колобова и Валерий Иванов). Мы сочли своим долгом поставить его впереди основного текста и даже впереди своего предисловия, как это, видимо, и было задумано автором.

Впрочем, об авторе применительно к настоящей книге говорить трудно. Рукопись, обнаруженная в рюкзаке погибшего альпиниста, называвшего себя Женькой Арбалетом, была явно не завершенной. Несколько однообразный сюжет ее сводился к описанию одного-единственного путешествия, совершенного Женькой летом 2015 года. В рукописи имелись отсылки к не описанным еще событиям; предыдущие приключения, явно значимые для автора, упоминались вскользь. Из контекста было ясно, что и сам Женька, и его спутница давно занимались литературным творчеством и много говорили об этом между собой, но ни одно их эссе или стихотворение (кроме созданной ими вместе стихотворной записки) не было даже процитировано.

Признаться, эта рукопись, даже после самой тщательной редактуры, не могла идти в печать. И Олег Ивик на свой страх и риск решил расширить сюжет и обогатить авторский текст. Для этого он разыскал женщину, которая стала спутницей Женьки в его путешествии. Город, где она жила, был обозначен автором, и Олегу Ивику достаточно было обойти три-четыре туристических клуба, чтобы получить нужный телефон.

Ирина взялась написать несколько вставных кусков. Однако увлекшись, она написала значительно больше, чем предполагалось. Так в первоначальной рукописи оказались огромные вставки, созданные позднее и другим человеком. Но от авторства Ирина отказалась и свою фамилию предпочла сохранить в тайне. Олег Ивик слегка отредактировал и сократил написанные ею куски. Кроме того, он взял на себя смелость структурировать получившийся текст и дополнить его стихами Женьки Арбалета, взятыми из открытых источников, и рассказом «О дряни», найденным среди Женькиных рукописей. Олег Ивик также написал короткое предисловие и послесловие к получившемуся в результате роману. Автор каждого отрывка обозначен перед его началом.

Нигде не говорится, что у книги должен быть один автор или что творческий коллектив должен работать одновременно, в дружном согласии. Как сказал бард, «выпавшую гитару пусть подберет другой». Вот мы все ее и подобрали...

Ирина

— Прыгайте в воду и сразу на дно, — сказал Ахмед. — Глубина здесь небольшой, восемнадцать метров, но течение бешеный. Встречаемся прямо под кормой, возле рифа. — Он ткнул пальцем в схему на экране планшета, где переплетались непонятные линии и стрелки. — Сначала плывем против течения, обогнем риф с севера. Там красивые актинии, я покажу. Потом дно идет вниз, много метров глубина, может, сто, может, двести. Мы опустимся до тридцать пять.

Худощавый длинноволосый парень в гидрокостюме, стоявший чуть в стороне от остальных дайверов, передернул плечами. Это было его первое ночное погружение, и ему было страшно. Корабль слегка покачивало на небольших, метровых волнах. За кормой было темно, небо тоже казалось черным — горевшие на дайв-деке фонари забивали свет звезд. Скоро парню предстояло прыгать туда, в эту зыбкую черноту.

Он подошел к своему месту на скамье, проверил показания манометра на баллоне и стал надевать снаряжение: пояс, наполненный свинцовыми грузами, надувной жилет с баллоном, ласты... На дайв-деке царили суэта и плохая видимость. Несмотря на яркое освещение, тропическая ночь никуда не ушла — пятна света лишь подчеркивали черноту мечущихся теней. Фонари ослепляли, но вокруг них плотной массой лежала темнота. Черные силуэты один за другим падали вниз и беззвучно растворялись в этой темноте, в грохоте волн, набегавших на борт.

Парень поискал глазами своего бадди — напарника — и не увидел его. Может, он уже прыгнул?

— Никто никого не ждать! — кричал Ахмед. — Быстро! Вас течением разбросать!

Спотыкаясь и высоко поднимая ноги в ластах, парень подошел к самому краю дайв-дека: внизу, в метре от него, волны бились о корму. Он сунул в рот загубник, опустил маску, прижал ее к лицу обеими руками, шагнул вперед и упал в темноту.

Тьма и невесомость охватили его так мгновенно, что он почувствовал себя в ином мире — быть может, в загробном? Казалось невероятным, что в нескольких метрах от него на палубе горит свет и суетятся люди. Он поправил маску, выдул из нее воду и только тут сообразил, что надо бы включить фонарик. Он нащупал цилиндрик, висящий на груди, и нажал кнопку. Вокруг расплылось небольшое облако света, внутри которого был он сам. Он вспомнил, что надо быстрее идти ко дну, начал было стравливать воздух из жилета и тут увидел, что из октопуса — устройства с резервным загубником — выбивается мощный поток пузырей. Что-то было не так. Он подергал октопус — лучше не стало. Вроде кто-то говорил, что в этом случае надо октопусом постучать об воду. Он так и сделал: взял октопус и резко помахал им в пространстве — воздух продолжал выходить. Постучал октопусом о ладонь — никакого эффекта.

Он завис в толще воды, размышляя, что делать дальше. Идти на погружение с поломанным оборудованием нельзя. Досадно, ведь ночных погружений запланировано всего два... Если воздух кончится раньше, чем у других, что он будет делать? Конечно, ребята поделятся, дадут ему подышать. Но это будет очень муторно — переходить от одного к другому и клянчить воздух. А всплывать в одиночку, в темноте да еще при таком течении он не рискнет. Нет, не в одиночку, конечно; у него есть напарник — бадди, такой же неопытный, как он сам. Это их первое дайв-сафари, за спиной у каждого не больше десятка погружений. Если они пройдут, допустим, половину

сегодняшнего маршрута (это около получаса) и потом всплывут — где в это время будет корабль? А что, если течение на поверхности окажется сильнее, чем в глубине, и они не смогут вернуться назад?

...Нет, надо возвращаться сейчас, лучше не рисковать. Он посмотрел на наручный компьютер — глубина восемь метров, декомпрессия не требуется. Он поддул жилет и медленно всплыл на поверхность... Волна сбоку ударила в лицо, припечатала маску — он выплюнул загубник, сдвинул маску на лоб и вдохнул свежий, наполненный брызгами воздух. Вокруг было темно, только его фонарик светился под водой, болтаясь на уровне солнечного сплетения. Небо было усеяно звездами, и он удивился, что свет с дайв-дека их не забивает и что он вообще не видит этого света. Он встал в воде вертикально и развернулся — корабль покачивался вдали, усыпанный пятнами фонарей. В это время волна накрыла парня с головой. Он выплюнул воду, чертыхнулся, лег на спину и поплыл, работая ластами. Волны заливали лицо и мешали дышать, но это ерунда. Главное — быстрее доплыть до корабля. Может, там уже волнуются. Наверное, его бадди вернулся на палубу и поднял тревогу. Ведь по инструкции, если ты не видишь своего напарника в течение одной минуты, ты должен об этом доложить.

Он снова встал вертикально и повернулся лицом к кораблю: что это, ему кажется или действительно расстояние между ним и кораблем увеличилось? На море трудно угадывать расстояния, да еще ночью... Взлетая на очередную волну, он напряженно вглядывался вдаль — на палубе никого не было видно. А волны как будто выросли.

Тогда он лег на спину и стал грести изо всех сил. Иногда он не удерживался и оборачивался, чтобы оценить результаты своих усилий. При этом терялось время — приходилось ждать, пока очередная волна

поднимет его кверху, обеспечив обзор. Корабль не приближался. Тогда он взял волю в кулак и перестал оглядываться. Он лишь слегка поворачивал голову, чтобы боковым зрением угадывать идущий от корабля свет и не терять направления. Он греб непрерывно минут десять, проклиная волны и сплевывая воду. Вода попадала в легкие, и он кашлял, но работать ластами не переставал. Потом он все-таки обернулся — корабль не приблизился, более того, явно стал дальше. На палубе никого не было.

Он прикинул, что группа пробудет на погружении еще минут сорок. Потом они пойдут переодеваться и принимать душ. Потом соберутся в кают-компании на ужин и кто-нибудь заметит, что его место за столом пустует. Это случится часа через полтора, не раньше. За полтора часа его унесет от корабля на черт знает какое расстояние. Где же его бадди, черт бы его побрал! Почему не поднял тревогу?

Грести было бессмысленно, но это было единственным, что он мог сейчас делать, и он греб как одержимый. Сердце колотилось, ноги немели — их сводили судороги. Но он продолжал работать ластами... Интересно, что они сделают, когда обнаружат его отсутствие? Искать человека в ночном море бесполезно. Утром они могут запросить вертолеты, но это очень дорого, и это скандал. Скорее всего, они попытаются искать его сами, прямо с судна, да еще спустят на воду моторные «зодиаки»¹. Хуже всего, что они не знают, что его унесло течением. Они могут подумать, что он полез в какую-нибудь подводную пещеру или спустился на слишком большую глубину и хватил там азотного наркоза. Или свел слишком близкое знакомство с муреной... Он вспомнил, как еще вчера, к возмущению инструктора, дразнил огромную мурену, щекоча ей нос пальцем... Они будут искать его в

окрестностях ближайшего рифа... Но даже если они запросят вертолеты, теория гласит, что в волнах, превышающих один метр, искать человека практически бесполезно, даже днем. Аварийного буйка у него с собой не было.

Он подумал, что впервые в жизни с ним происходит настоящее приключение. То, что было до сих пор, все эти перевалы и горные вершины с грамотно организованными страховками и опытными руководителями групп — на приключение не тянули. Он вспомнил прочитанную недавно книгу Славы Курилова «Один в океане». Слава провел в океане трое суток, прыгнув с корабля в восьмиметровые волны, чтобы сбежать из Советского Союза. Ему не на кого было надеяться. Его искали, но этих ищущих он боялся больше, чем волн и акул, — они хотели вернуть его в совок и судить за побег...

Провести ночь в открытом море... Это же безумно интересно. А потом волны рано или поздно утихнут, и его, конечно, найдут. Красное море маленькое, течения известны и нанесены на карту. Вот и Ахмед показывал эти течения на планшете... Потом он вспомнил, что примерно половина несчастных случаев с дайверами происходит не на глубине, не от кессонной болезни и не от акул — они попросту теряются в море. Вот как он сейчас... Да нет, он сильный и выносливый. Он сможет обходиться без пресной воды дня три-четыре — за это время он выплывет к какому-нибудь берегу, или острову, или судну. Красное море нашпиговано судами и островами. Он прекрасно может спать на воде. Слава спал в океане, не имея ничего, кроме маски и трубки. А у него есть надувной жилет... Надо будет стравить воздух из баллона, чтобы он стал легче, а набитый свинцом пояс можно сбросить. Солнечные ожоги ему не грозят, потому что он затянут в гидру с головы до ног. Акулы —

это вообще сказки для чайников, они очень редко нападают на человека, и уж во всяком случае не в Красном море. А когда он окажется на острове, он соорудит пирамиду из камней и коралловых обломков и водрузит на вершину алюминиевый баллон — кто-нибудь обязательно заметит блеск металла. Пока его не найдут, он сможет питаться сырой рыбой — ловить ее гидрокостюмом, как сетью, точнее как мешком. Из жилета, наверное, нетрудно соорудить простенький дистиллятор, работающий от солнца... А свинцовый пояс, пожалуй, лучше не сбрасывать: мало ли для чего пригодятся на необитаемом острове брезентовый пояс с кармашками и шесть слитков свинца... Он выживет! Это обалденное приключение, посланное ему судьбой...

Думая так, он греб, и греб, и греб... Потом он обернулся и увидел, что на палубе, которая была так далека, как будто он смотрел на нее в перевернутый бинокль, стоит человек...

Матрос облокотился о перила и курил, стряхивая пепел в воду. Он глядел в другую сторону, и парень видел только его спину в светлой майке и черный затылок. Изо всех сил работая ластами, он высунулся из воды почти по пояс и, взлетая на волны, стал кричать и размахивать включенным фонариком. Это было глупо, потому что матрос не мог ни видеть, ни слышать его. Потом матрос бросил в воду окурок и развернулся. Парень продолжал отчаянно размахивать фонариком. Матрос остановился, вглядываясь в морскую даль. Он не понимал, что за огонек маячит среди волн. Тогда парень догадался и направил луч фонарика себе в лицо. Матрос свесился через леер, потом неспешно пошел в сторону носа и исчез. Идиот! Прошла минута — никто не появился.

Ну и черт с ними со всеми! Парень плашмя упал вперед, волна ударила его по лицу, наполняя водой нос

и легкие. Он отпрянул, согнулся в кашле, а потом обессиленно откинулся на воду. Будь что будет. Он расслабленно лежал на спине, и волны кидали его вверх и вниз. Теперь, когда он не сопротивлялся, они обращались с ним мягко и он мог нормально дышать, тем более что надувной жилет держал его на поверхности. Он смотрел на звезды. Надо принять это как очередное приключение. Даже если через несколько суток он погибнет, надо хотя бы сейчас, пока его не мучают жажда и голод, получить от этого приключения максимум удовольствия. Не всякому выпадает такое... И тут он услышал шум мотора. Он развернулся и увидел, что прямо на него идет «зодиак» с двумя матросами на борту. Луч мощного фонаря шарил по воде. «Зодиак» резко затормозил, и один из матросов протянул ему руку, помогая взобраться на борт.

— Спасибо! — пробормотал парень, падая на дно лодки. — Вы все-таки увидели мой фонарик? Вы испортили мне приключение, но все равно спасибо!

Матросы засмеялись, сказали что-то по-арабски, и один из них хлопнул его по плечу.

...В кают-компании муж и жена, не пошедшие на ночное погружение под предлогом морской болезни, пили чай. Его бадди сидел на диване с бутылкой коньяка и смотрел фильм о дайвинге на Мальдивах. Он удивленно поднял голову:

— Вот как! Ты тоже не пошел на погружение? Я не захотел идти. Все-таки ночь, да еще течение... Хотел тебя предупредить, а ты куда-то делся. Где ты был?

— Курил на верхней палубе.

Парень сел на диван, взял чужую бутылку и хлебнул коньяк прямо из горлышка. На экране очаровательная девушка в голубом гидрокостюме извивалась среди пронизанных солнцем кораллов.

...По-настоящему он испугался того, что произошло, только на следующий день, точнее, на следующую ночь. Он снова пошел на ночное погружение, предварительно починив свой октопус. Едва он опустился на дно и присоединился к группе, его фонарик погас. Он подплыл к инструктору, жестами объяснил ситуацию, и инструктор велел ему и его бадди плыть рядом с собой... Двух фонарей вполне хватило на троих... Это было похоже на полет во сне... Нет, это вообще ни на что не было похоже — невесомость, тьма, мягкие пятна света, в которых колыхались гибкие тела людей, рыб, актиний... И все это время он думал: а что, если бы фонарик погас не сегодня, а вчера, всего на одну минуту горения раньше? С тех пор он всегда брал на ночные погружения два фонарика, и новички смеялись над ним, но ему было все равно. Сам он с этого дня себя новичком не чувствовал.

Эта история случилось с Женькой во время его первого дайв-сафари по Красному морю. Он рассказывал мне ее, сидя ночью у костра на берегу реки Индрюкой. Этому приключению посвящены первые строки его романа, и я решила рассказать о нем подробнее, потому что сам Женька упомянул его лишь вскользь... А теперь слово Женьке.

Женька Арбалет

Мне снился сон: я плыл по ночному морю, пытаюсь догнать корабль. Волны кидали меня, я проходил сквозь них и почему-то мог дышать прямо в воде, но до корабля добраться не мог. Вокруг было темно и страшно, а на палубе горел свет, и я знал, что там меня ждут друзья. Но как я ни старался, судно уходило все дальше и дальше... А потом я проснулся.

Мне часто снится этот сон в разных вариантах, потому что однажды такое со мной и вправду случилось. Это было моим первым по-настоящему опасным приключением. И обычно, проснувшись, я вдруг пугаюсь того, что засиделся в Москве, что приключения теперь вижу только во сне, и что где-то ветер треплет паруса, и волны бьются о рифы, и лавины сходят, и горные реки ревут, а я сейчас выпью кофе, спущусь в метро и поеду на работу.

Так и в этот раз. Я разнервничался, затосковал и принялся звонить своим друзьям-альпинистам, с которыми мы собирались идти в горы в конце июля. Этот конец июля уже наступил, мы давно получили по почте бумажки с большими красивыми печатями — разрешения на посещение пятикилометровой пограничной зоны Карачаево-Черкесии, и у меня даже рюкзак упакованный стоял. А все остальные тянули резину: кого-то с работы не отпускали, у кого-то жена беременна... И уже было ясно, что с плацкартными билетами мы пролетели, а может, пролетели и с купейными. И если они вдруг все решат немедленно ехать, то совершенно непонятно, как добираться до Кавказа. Потому что автостопом впятером не поедешь, да они и не любители автостопа.

В это утро я обзвонил всех, и все мне, во-первых, сказали, что только идиот может звонить в шесть утра,

а во-вторых, — что у них до сих пор ничего не ясно. А Славик к тому же сообщил, что собирается жениться, и пригласил меня быть шафером.

Короче, я немного подумал и еще раз им всем позвонил, еще четыре раза выслушал, что я идиот, и сообщил, что никого ждать не буду и еду один. Конечно, лезть в одиночку на те вершины, которые у нас были намечены, я не мог — для этого я не настолько идиот. Я обложился бумажными и электронными картами, кроками, схемами и решил, что сейчас самое время сменить альпинизм на горный туризм. Это совсем разные вещи, а еще есть скалолазание. Обычно те, кто не в теме, их путают.

Смысл жизни скалолаза — карабкаться вверх и вниз по гладким и скользким скальным стенкам, желательно с обратным уклоном. Стенка высотой в несколько десятков метров для этого более чем достаточна, и, если скалолаз найдет такую скалу хоть в степи, он разобьет под ней палатку и будет счастлив. Но поскольку в степи скалы, тем более в должном ассортименте, встречаются редко, скалолаз едет в горы.

Альпинист, напротив, рвется вверх. Цель его жизни — взобраться на максимально высокую и по возможности трудную гору. Он выбирает какой-то любезный его сердцу пик, приходит к его подножию, разбивает там базовый лагерь и начинает восхождение. До базового лагеря он согласен добираться хоть на трамвае, но трамваи в горах не ходят, и альпинисту приходится некоторое время идти по горным тропам с рюкзаком за спиной. Особого кайфа он от этого не получает. Его кайф — стоять на вершине самого высокого и недоступного горного пика и презрительно сплевывать на идущих внизу горных туристов.

Для горного туриста смысл похода — протащить как можно более тяжелый рюкзак на как можно большее расстояние по разного рода перевалам, ледникам

и осыпям, выбрав при этом самый неудобный из возможных маршрутов. Сам горный турист уверен, что он хочет искупаться в минеральном источнике и посмотреть на красивый водопад. Но если от источника к водопаду ведет дивная лесная дорога, заросшая малиной и грибами, горный турист с презрением отвергнет ее и наметит себе кружной путь с возможно большим числом оползней и камнепадов, причем обязательно проходящий хотя бы через один ледник и через засыпанный снегом перевал. Поскольку четкой труднодостижимой цели у горного туриста, в отличие от альпиниста, нет, поход считается тем более удачным, чем чаще его участники попадали под дождь и град, проваливались в трещины и падали в реку. Если ударил сильный мороз, кто-то подвернул ногу, палатку пришлось ставить на лед, а завхоз забыл дома примус — значит, поход особо удался.

Я вообще-то скорее альпинист. Я даже на жизнь себе зарабатываю промышленным альпинизмом. В реальности это означает, что я надеваю на себя свое крутое альпинистское снаряжение (побывавшее на нескольких четырех- и пятитысячниках) и лезу на крышу какой-нибудь тухлой пятиэтажки, чтобы сбить с нее сосульки или поправить съехавший лист железа... В горах я тоже в основном — альпинист. Но сейчас, поскольку я остался без команды, я вынужденно превратился в горного туриста.

Я решил через Карачаевск добраться до альплагеря «Узункол», оттуда пройти по долине реки Мырды до ее истока — ледника Мырды. Потом пересечь этот ледник, перевалить через перевал Ак-Тюбе, пройти ледник Гвандры² и дальше, по долинам нескольких речек, впадающих одна в другую, дойти до турбазы «Глобус». Я собирался идти медленно и всюду, где мне будут попадаться красивые и уютные места, ставить

палатку и устраивать дневку. Ну а если по дороге встречу какую-нибудь дружественную альпинистскую группу или симпатичных горных туристов, которые идут в места, где я еще не был, я могу к ним присоединиться.

В Узунколе я бывал не раз и в долине Мырды — тоже; я помнил, что там очень красиво. Мы совершили в том районе несколько восхождений. Но на ледник Мырды я не выходил, хотя и видел его вблизи, а на перевале Ак-Тюбе и за ним вообще никогда не был.

Я прикинул, что весь маршрут до Глобуса, включая дорогу от Москвы, займет дней семь-восемь, если в пути валять дурака. Это меня вполне устраивало. А из Глобуса можно еще куда-нибудь рвануть: если я захочу задержаться, на работе возражать не будут. Сейчас в Москве альпинистов больше, чем аварийных крыш, и мне всегда найдут замену. Я позвонил бригадире и сказал, что на работу сегодня не выйду и вернусь недели через две или позже. Он спросил, куда я еду, объяснил, что только идиот может идти по ледникам в одиночку, и пожелал мне удачи.

В этот день я никуда не поехал, потому что было уже слишком поздно. Я решил добираться до Узункола автостопом — ну, может, не до самого Узункола, но, по крайней мере, до Карачаевска. А если ты решил ехать автостопом, то лучше всего выходить на трассу с рассветом.

Автостопом я езжу не только для экономии, хотя и это немаловажно. Когда стоишь на трассе, чувствуешь какую-то удивительную свободу. Весь мир лежит перед тобой, и если ты не особо торопишься, то никогда не знаешь, где окажешься через час. Может, тебя высадят на окраине какого-то незнакомого города, ты зайдешь в него, чтобы перекусить и купить мороженого, и вдруг увидишь старинную площадь, мощенную брусчаткой, и фантастической красоты собор

шестнадцатого века, и улочки, сбегаящие к реке... И пока ты все это осмотришь, и искупаешься на крохотном пляже, и поешь мороженого, и поболтаешь с рыбаками, безнадежно сидящими со своими удочками на разошедшемся причале, наступит вечер. И какая-то бабка, которую ты спросишь о ночлеге, посоветует тебе идти в монастырь на окраине города: там всех паломников и путников бесплатно кормят в трапезной и разрешают спать в храме. И ты идешь на колокольный звон иходишь в ворота монастыря. И тебя действительно заводят в трапезную и после общей молитвы дают тебе миску с постным борщом, салат и кашу. Оно, конечно, стоит копейки, и ты опустишь в кружку купюру, на которую можно купить пять таких обедов. Но все равно — мне, например, нравится атмосфера в монастырях и нравится, что кормят бесплатно, а деньги ты уже сам кладешь, если хочешь. А потом в храме всем раздают коврики (впрочем, у меня свой каремат), и можно устроиться прямо под куполом и смотреть, как оплавляются свечи, и молодой важный послушник гасит огарки, и тьма настает, а ты устремляешь глаза вверх и видишь над собой темный величественный лик Саваофа...

Перед рассветом, когда над корнями деревьев клубится туман, ты с какими-то паломниками идешь через рощицу к деревянному срубу монастырской купальни. Внутри совсем темно, крохотное оконце еще не разбужено грядущей зарей, и ты почти на ощупь раздеваешься и спускаешься по каменным ступеням в родниковую воду. Ты окунаешься с головой, тебе холодно и весело. Вверху кто-то скороговоркой читает «Отче наш», за деревянной стеной попискивают и плещутся женщины, а снаружи уже доносится оглушающий птичий гомон...

Потом солнце начинает подниматься над миром, и тыходишь на трассу, тормозишь машину и едешь себе